

СТЕНОГРАММА

БЕСЕДЫ ЧЛЕНОВ КОМИТЕТА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ при ЦК КПСС
с тов.БУЛГАНИНЫМ Н.А.

от 8 июля 1958 года.

Председательствующий тов.ШВЕРНИК Н.М.

ШВЕРНИК. У нас есть некоторые вопросы, которые мы хотели бы выяснить. Нас интересует, т.Булганин, такой вопрос, кому вы сдали рукопись Маленкова об особой тюрьме и памятку следователя особой тюрьмы для политзаключенных, которые вы получили от т.т.Коробова и Парфентьева после обыска сейфа Суханова?

БУЛГАНИН. Тов.Понасенко все это передал Маленкову.

ШВЕРНИК. Почему вы передали их Маленкову?

БУЛГАНИН. Были из "яты документы из его личного сейфа, в числе этих документов было несколько официальных документов, а затем были его личные записки из записной книжки. У меня было такое впечатление, что это были записи, сделанные им под диктовку, мне кажется, т.Сталина.

ШВЕРНИК. А характер этих записей?

БУЛГАНИН. Было у него из записной книжки несколько листков, в которых описывалась эта самая специальная тюрьма, какой она должна быть, кто ее организует, с кем советоваться, упоминались по-моему фамилии Шкирятова, а затем еще нескольких лиц, какой порядок должен быть в этой тюрьме, подбор начальствующего состава, говорилось о том, что должны быть особо подобраны кадры, особые следователи. Затем были также отдельные листки из записной книжки Маленкова, написанные от руки.

ШВЕРНИК. А кроме того?

БУЛГАНИН. Кроме официальных документов, которые были мне представлены, еще одна записка его же рукой написанная, конспект вопросов, которые он или кто-то другой должен был поставить перед арестованным Федосеевым. Этот Федосеев был в охране у т.Сталина. Это было тоже из записной книжки Маленкова, видимо, Сталин ему диктовал, когда он у него был. Как ты помнишь (Булганин обращается к т.Швернику), он всегда обязательно что-то записывал. Вот эта была записка.

Из личных документов были конспекты его выступления на сессии, затем его какой-то речи, вообще это его личные бумаги. Все они попали в число документов, которые были из "яты из сейфа Суханова.

Кроме того, из этого сейфа были взяты те документы, которые упоминаются в записке Парфентьева: справка МГБ насчет разведывательной работы, наблюдения, которые были установлены за военными - Ворошиловым, Буденным, Жуковым, маршалом Вороновым. Эта была официальная справка, не из блокнота Маленкова, она называлась - справка Комитета государственной безопасности, подписал ее некто Клишкин, который, кажется, был начальником. Это был официальный, главный документ. Я все свое внимание сосредоточил на этом документе. В этой справке указывалось о подслушивании телефонных разговоров Ворошилова, Буденного, какие ведутся наблюдения за ними, где что было установлено. То же самое и в отношении Жукова, Буденного и других маршалов. Это был официальный документ.

Было затем официальное заявление Федосеева на имя товарища Сталина, что он просит его освободить. Была записка Абакумова и другие официальные документы.

Когда я все это получил, принесенное мне, я об этом сказал Н.С.Хрущеву, что есть такие документы. Тов.Хрущев зашел ко мне в кабинет, мы вместе с ним прочитали все эти записки и документы. Он тогда мне сказал, что же это Маленков хранил в личном сейфе? Я сказал - выходит так.

Я повторяю, что главное внимание мы сосредоточили, я лично и т.Хрущев, на справке МГБ. Она была особенно омерзительной и пакостной. Там были не только эти детали описаны, как подслушиваются разговоры, и всякие другие вещи интимного порядка. Тов.Хрущев тогда мне посоветовал эти документы показать Ворошилову и Жукову, так как там упоминались несколько интимные вещи в отношении Жукова и Ворошилова, чтобы они эти вещи устранили, что не нужно их особенно комментировать. Я попросил т.Ворошилова зайти ко мне и дал ему прочитать, Жукова также ознакомил с этим документом. Главное внимание было сосредоточено на этом документе.

Теперь, почему я передал все это Маленкову? Это было в 1956 г., в мае месяце, два с лишним года назад. Маленков в то время занимал пост члена Президиума ЦК. Он сначала позвонил, потом пришел ко мне. Он сказал, что это мои личные бумаги, написанные

собственной рукой, я за них отвечаю, я сам за них отчитаюсь. Я все это передал не ему лично, а вызвал товарища из секретариата и попросил отнести все это т.Маленкову, официально эти документы выделить, послать в ЦК. Подготовили записку, я, помнится, ее подписал, при этом сказал: пускай он отчитывается, это его личные бумаги и пусть он отвечает за себя, сам разбирается в этих бумагах.

ШВЕРНИК. А Маленков потом разобрался в этих бумагах?

БУЛГАНИН. Я не знаю.

ШВЕРНИК. А еще какие документы были?

БУЛГАНИН. Там в рукописях было много всяких записок, конспекты его докладов, речи на сессиях Верховного Совета, затем список состава нового Совета Министров. Этот список я проверял позже, он был написан его рукой, кто должен быть председателем, министрами. Были еще вкладки в доклады, его выступления, все то, что было опубликовано в газетах и это не представляло никакого интереса.

ШВЕРНИК. Не было ли еще документов, которые сейчас возможно где-то находятся, это письмо Федосеева и записка Абакумова?

БУЛГАНИН. Это у Маленкова, я же передал.

ШВЕРНИК. И эту записку?

БУЛГАНИН. И эту записку?

ШВЕРНИК. А характер записки Федосеева и записки Абакумова.

БУЛГАНИН. Записку Абакумова я не помню. Записка Абакумова не представляла ничего особенного, сейчас не могу вспомнить, что там было написано.

АЛФЕРОВ. Это была одна препроводилка, а второе заявление.

БУЛГАНИН. Нет, не заявление, а записка Абакумова. Я не помню ее по содержанию, она не представляла интереса. Это была справка обычного порядка, я не помню даже о чем. А вот письмо Федосеева было очень трагическое. Письмо было написано на имя товарища Сталина о том, что он не виноват, просит рассмотреть его дело, заверяет Сталина, что безвинно сидит в тюрьме.

В блокнотных записях у Маленкова были небольшие вопросы, написанные карандашом, к Федосееву, это был вроде конспект допроса. Вызывал он его или нет, допрашивал или нет, я не знаю. Записка Федосеева носила характер апелляции к Сталину, где он заверял его в своей верности к партии, службе, преданности и просил его пощадить.

ШВЕРНИК. Интересно, куда девались эти документы и протокол допроса Ежова?

[Handwritten mark]

БУЛГАНИН. Последнего документа не было.

ШВЕРНИК. Маленков признает, что он знает об этом документе.

БУЛГАНИН. Этого документа не было. В сейфе из всего того, что было изъято как раз этого документа не было. Когда арестовали Суханова по моему делу с несчастными облигациями, тогда Суханов в своих показаниях говорил, что был документ Ежова на Маленкова и что этот документ взял себе Маленков. Об этом мне говорил Парфентьев, показывал мне показания Суханова, я читал их сам.

ШВЕРНИК. А протокол Ежова, его что не было?

БУЛГАНИН. В этих документах его не было, он в изъятие не попал и мы о нем ничего не знали. Об этом документе мы узнали только тогда, когда арестовали Суханова и Суханов на допросе у Парфентьева по делу об облигациях дал показание, что кроме того, что изъяли, в сейфе был еще один документ, связанный с Ежовым, но в сейфе его не оказалось, его и не было в изъятых документах. Во всех бумагах этого документа не было, я не знал и Парфентьев не знал. Потом Суханов в своих показаниях обратил на это внимание и сказал, что может быть Маленков его взял заблаговременно.

ШВЕРНИК. Тов. Кузнецов, расскажите как возник вопрос о протоколе Ежова?

КУЗНЕЦОВ. Парфентьев показывает, со слов Суханова, что действительно показания Ежова о Маленкове попали следующим образом к Суханову. Когда был арестован Берия, то Шаталин и Дедов вскрывали сейфы Берия и Кобулова. Там нашли большой протокол, написанный Ежовым собственноручно на 18-20 листах, где Ежов рассказывает, как Маленков повинен в истреблении руководящих деятелей партии и правительства, фальсификации этого дела. Этот документ уличает Маленкова в преступлении. Шаталин позвонил Суханову и отдал ему этот документ. А когда Маленкова сняли с поста председателя Совета Министров (он уходил в 1955 г. в Министерство электростанций), тогда он потребовал у Суханова этот документ, забрал его на квартиру и не вернул.

БУЛГАНИН. Это я знаю из показаний Суханова. Это точно. Подтверждаю, что Парфентьев докладывал то же самое, что и вы говорите.

КУЗНЕЦОВ. А в отношении того, что в передали Маленкову есть одна неточность. Эти два документа имели огромное значение. Парфентьев утверждает, что Маленков читал эти документы. Парфентьев также говорит, что там был вопросник следователя, памятка следователя, в которой Маленков писал не только вопросы, которые нужно было задавать заключенным в особой тюрьме, но и заранее готовил ответы. Так утверждает Парфентьев.

БУЛГАНИН. Это я подтверждаю. Я говорил, что было описание, где будет тюрьма, какой она должна быть.

КУЗНЕЦОВ. Начальником тюрьмы Маленков назначил Клейменова, заместителем Шестакова.

БУЛГАНИН. У Маленкова под фамилией Клейменов стоял вопрос.

КУЗНЕЦОВ. Следователями - Захаров и Никифоров - работники КПК.

БУЛГАНИН. Точно, я подтверждаю. Дальше конспект вопросов и ответов.

КУЗНЕЦОВ. Это была памятка следователям.

БУЛГАНИН. Причем у меня сложилось совершенно точное впечатление о том, что тов. Сталин диктовал, а Маленков фиксировал запись. Формат записи был такой же, как и его записная книжка. Я это подтверждаю, правильно.

КУЗНЕЦОВ. Маленков, по нашим данным, вызывал следователей и инструктировал их. В особой тюрьме сидел тов. Кузнецов.

БУЛГАНИН. Я не знаю.

ШВЕРНИК. Там сидел быв. секретарь ЦК КПСС Кузнецов.

БУЛГАНИН. Он по-моему сидел в Лефортове.

ШВЕРНИК. Там сидели Абакумов, Федосеев, там сидело много людей. Маленков и Шкирятов были организаторами этой тюрьмы.

Тов. Булганин, когда вы узнали о документах об особой тюрьме, о памятке? Вы послали их Маленкову?

БУЛГАНИН. Да, Маленкову.

ШВЕРНИК. А почему в ЦК не послали?

БУЛГАНИН. Видишь, Николай Михайлович, теперь на все эти вещи смотришь по-другому. Это все было в мае 1956 года. Это были личные записки, собственноручные записи. Маленков в то время был членом Президиума ЦК, ничем не был скомпрометирован. Он говорит, что это мои документы, мои личные записи и я сам в состоянии нести ответственность и отчитываться.

ШВЕРНИК. Но все же вы член Президиума ЦК КПСС.

БУЛГАНИН. Так же как и он.

ШВЕРНИК. И все же, почему бы не поделиться на Президиума ЦК о том, что в сейфе Суханова были обнаружены такие рукописи Маленкова.

БУЛГАНИН. Я повторяю, что когда я все эти документы получил, то прежде всего сказал об этом т. Хрущеву и вместе с ним посмотрели их, но почему-то я лично придавал большое значение главному документу

Климкина, а на эту записку меньше обратил внимания, не придавал ей значения, чем другим запискам. Конечно, потом, в особенности теперь, когда смотришь задним числом, все это приобретает особый характер, особую важность.

АЛФЕРОВ. Тюрьма при КПК - это явление нехорошее.

БУЛГАНИН. Теперь по-иному смотришь на все эти вещи.

ШАТУНОВСКАЯ. Это идет вразрез со всеми ленинскими положениями о нашей партии.

БУЛГАНИН. Когда мы бывали у т. Сталина, то там были Маленков, Берия, я, Микоян. Я не буду утверждать, был ли Никита Сергеевич, но много раз Сталин говорил об этой тюрьме и говорил о том, что надо создать такую тюрьму.

ШАТУНОВСКАЯ. Зачем?

БУЛГАНИН. Для партийных преступников. Сталин так ставил вопрос. Я был свидетелем, сам слышал. Не было такого положения, чтобы он говорил: запишите. Видимо, эти записи Маленков вел отдельно. Это просто преступление.

ШВЕРНИК. Почему у вас не возникал вопрос, что все это нужно как-то вынести за пределы двух людей - вас и Маленкова? И после кончины Сталина вы, имея документы об особой тюрьме, келейно пересылаете их Маленкову. А у Маленкова они пропадают. Вы переслали Маленкову также заявление Федосеева и записку Абакумова.

БУЛГАНИН. Работники секретариата оставили эти документы у Маленкова, а Маленков взял их себе.

ШВЕРНИК. Почему вы их оставили у Маленкова и не потребовали возвратить? Вы хотели подписать сопроводительное письмо в ЦК КПСС вместе с Маленковым.

БУЛГАНИН. Вкруговую.

ШВЕРНИК. Ведь это же антипартийное поведение.

БУЛГАНИН. Я говорил, что в это время я иначе относился к Маленкову. Я считал, что это были его личные, собственноручные записки, написанные лично им, которые мы нашли в сейфе случайно, так как мы искали, главным образом, улики против Суханова, всего того, что касалось Суханова. Мы вели с Парфентьевым дело против Суханова и искали документы против Суханова.

АЛФЕРОВ. Тюрьма при КПК - это необыкновенное явление. Вы же понимаете, вы не рядовой член партии.

БУЛГАНИН. Теперь я по-иному смотрю.

АЛФЕРОВ. Почему теперь? Если бы об этом сказали рядовому коммунисту, то он ответил бы, где это видано, что при партии создается тюрьма, когда партия руководит страной. Ведь есть же для этого другие учреждения, есть тюрьмы, есть социалистическая законность.

КОМАРОВ. Об этом можно было бы после XX съезда партии сказать.

ШВЕРНИК. Этот вопрос обсуждался и на июльском Пленуме ЦК КПСС, ни вы, ни Маленков не сказали об особой тюрьме.

БОЙЦОВ. Дудоров об этом что-то сказал.

ШВЕРНИК. Дудоров сказал, но невнятно. Надо было бы об этом сказать Булганину.

БУЛГАНИН. У меня было достаточно своих грехов, я не охватил своего материала, о себе нужно было говорить, не придавал того значения, какое сейчас придается.

БОЙЦОВ. О существовании этой тюрьмы у Сталина был разговор, об организации этой тюрьмы? А что она организована, действовала, вы об этом знали?

БУЛГАНИН. Нет, абсолютно не знал. Я слышал об этом не только сейчас, но и раньше, не помню от кого.

ШВЕРНИК. Вы знали от Маленкова о существовании особой тюрьмы.

БУЛГАНИН. Не знал.

ШВЕРНИК. Как не знал?

БУЛГАНИН. Я видел только записку.

ШВЕРНИК. Разве эта записка не вызвала у вас тревоги?

БУЛГАНИН. Что такая тюрьма есть, существовала, я вас заверяю - не знал. Слышал только некоторое время тому назад от Дудорова и Дудоров выступал на пленуме.

АЛФЕРОВ. Тогда, когда вы пересылали документ Маленкову, вы бы задали ему вопрос, была ли организована тюрьма или нет, он был вам ответил.

БУЛГАНИН. Я, например, не знал, что тюрьма есть.

АЛФЕРОВ. Вы должны были обидеться, как член Президиума, ведь присутствовали при разговорах об особой тюрьме, потом ее организовали, а вы об этом не знали.

БУЛГАНИН. Я об этом слышал у Сталина.

ШАТУНОВСКАЯ. Сталин чем это мотивировал?

БУЛГАНИН. Он говорил, что должны быть подобраны особые кадры, должно вестись следствие. Это было давно, трудно вспомнить.

ШВЕРНИК. Он хотел изолироваться от органов МГБ?

БУЛГАНИН. Видимо, да. После смерти Сталина все стало более ясным. Я думаю, что он даже и не доверял МГБ.

БОЙЦОВ. Кто тогда был министром?

БУЛГАНИН. По-моему Абакумов.

КОМАРОВ. Говорят, что вы туда ездили для допроса т.Кузнецова.

БУЛГАНИН. Ездил в Лефортовскую тюрьму.

КОМАРОВ. С Берия и Маленковым?

БУЛГАНИН. Да, с Берия и Маленковым в Лефортово.

КУЗНЕЦОВ. Он сидел в Лефортовской тюрьме, а потом его перевели в особую тюрьму. Что он признал?

БУЛГАНИН. Он признал что-то.

ШВЕРНИК. Допрашивали Маленков и Берия?

ШАТУНОВСКАЯ. А кто вам поручил - Маленкову, Берия и вам?

БУЛГАНИН. Сталин.

ШАТУНОВСКАЯ. Фиксировался этот допрос?

БУЛГАНИН. Нет.

ШАТУНОВСКАЯ. В чем состоял допрос?

БУЛГАНИН. Берия, Маленков спрашивали.

ШАТУНОВСКАЯ. Что спрашивали?

БУЛГАНИН. Он говорил то, что говорил раньше.

ШАТУНОВСКАЯ. Тов.Кузнецов признавал себя виновным, или нет?

БУЛГАНИН. Уклончиво. Он просил передать просьбу т.Сталину, чтобы его пощадили, чтобы его простили, если можно.

БОЙЦОВ. А Вознесенский тоже там сидел?

БУЛГАНИН. Нет, я не знаю.

БОЙЦОВ. А брат Вознесенского?

БУЛГАНИН. Да, Кузнецов вызывался, брат Вознесенского вызывался, Соловьев вызывался.

АЛФЕРОВ. Соловьев - это секретарь Крымского обкома?

БУЛГАНИН. Да, Я повторяю, что я об особой тюрьме, кроме записок, ничего не знаю, ничего не слышал и не думал, что она есть.

БОЙЦОВ. Вы все там были, у вас сложилось впечатление, что Кузнецов, Соловьев, Вознесенский действительно не виновны? Вы доложили Сталину ваше мнение?

БУЛГАНИН. Разве можно было.

БОЙЦОВ. Все-таки Сталин вас послал, у него возникли какие-то сомнения.

БУЛГАНИН. У Сталина были, вероятно, какие-то свои мнения. Мне кажется, он не доверял Абакумову, МГБ.

ШАТУНОВСКАЯ. Если он не доверял, то нужно было бы заменить Абакумова.

БУЛГАНИН. Как можно без него. Кто мог Сталину сказать тогда из нас, чтобы заменить Абакумова? Это невозможно было совершенно.

ШВЕРНИК. Почему вам понадобилось в больнице копия письма в ЦК КПСС, при котором сопровождалось заявление Федосеева и записка Абакумова?

БУЛГАНИН. Она мне не понадобилась. Когда я с пленума ушел в больницу, то мои бумаги надо было куда-то все сдать в архив. Товарищи, работавшие над этими документами, спросили меня, куда направить это письмо. Некоторые документы были направлены в особый сектор, в Управление делами Совмина. Говорят, что есть такой-то документ, спросили меня, как с ним быть. Я читал записку Парфентьева.

ШВЕРНИК. Все же вы просили, чтобы вам прислали копию этого письма.

БУЛГАНИН. Я просил и мне принесли.

ШВЕРНИК. Зачем? Вы же лежали в больнице и вдруг вам потребовался этот документ?

БУЛГАНИН. У меня в больнице были и другие документы. Операция прошла, я был в более или менее нормальном состоянии.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. В записке Парфентьева эти документы не упоминаются.

БУЛГАНИН. Была записка официальная, которую я считал нужным направить.

ШВЕРНИК. Вы придали большое значение этой сопроводительной записке и попросили, чтобы вам привезли ее в больницу.

БУЛГАНИН. Нет, я ничего не просил, мне привезли эти материалы и эту сопроводилровку и спросили, как с ними поступить.

ШВЕРНИК. Зачем их брать в больницу?

БУЛГАНИН. Я читал.

ШВЕРНИК. Может быть вы и другие материалы брали с собой?

БУЛГАНИН. Я читал записку Парфентьева и оставил ее у себя, зная, что это может мне понадобиться.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. В записке Парфентьева эти документы не упоминаются.

БУЛГАНИН. Но это связано было.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. Там упоминаются документы об особой тюрьме.

БУЛГАНИН. Я этот документ оставил у себя.

АЛФЕРОВ. Вы посылаете Маленкову бумагу, он должен подписать ее, но он не подписывает и оставляет ее у себя и это вас не волнует. Проходит больше года.

БУЛГАНИН. Два года. За два года изменилось отношение к Маленкову.

АЛФЕРОВ. Тогда этот документ вас не волновал?

БУЛГАНИН. А теперь взволновал, потому что прошло 2 года Маленков стал другим.

АЛФЕРОВ. Если это личные записки Маленкова, то чего вас это должно волновать? Ведь вы находились в больнице и почему-то придали этому большое значение?

БУЛГАНИН. Безусловно.

КУЗНЕЦОВ. Алашеев говорит, что копию сопроводительного письма вы также оставили у себя, в больнице, заявив, что это важный документ.

БУЛГАНИН. Я оставил и сказал, что это важный документ в свете того, что произошло. Сейчас другая обстановка, вы меня поймите. Год назад была одна обстановка в отношении Маленкова, сейчас, конечно, другая. Это очень важно сейчас.

ШВЕРНИК. Вы не указывали, что дело идет об особой тюрьме. Вы перечисляете ряд документов, которые вы ему передали. Или не передали?

БУЛГАНИН. Нет передал, пусть он не вертится, не знаю, куда он дел.

КУЗНЕЦОВ. Жаль, что вы не записали положение об особой тюрьме.

БУЛГАНИН. Было много личных записок, я сказал, пусть он ему отдаст. У меня есть люди, которые могут подтвердить.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. Эти документы передавались одновременно?

БУЛГАНИН. Нет, одновременно.

ШВЕРНИК. Эти документы имеют большое значение и сейчас. Придается большое значение обнаруженным в сейфе Суханова рукописям Маленкова об организации особой тюрьмы.

БУЛГАНИН. Я помню.

ШВЕРНИК. Затем рукопись Маленкова с вопросами и ответами о порядке допроса политзаключенных.

БУЛГАНИН. Я думал, что это относится к допросу Федосеева.

ШВЕРНИК. Создают тюрьму и Маленков заранее составляет вопросы и ответы заключенных.

БУЛГАНИН. Возможно.

ШВЕРНИК. Точно. Значит подготавливается тюрьма, рукопись Маленкова с вопросами и ответами о порядке допросов политзаключенных. Вы и сами говорили, что он подготавливал эти вопросники. Рукопись Маленкова была у Петраковского с поправками Маленкова о формировании Советского правительства, затем справка об агентурной разработке на руководителей Советской Армии, документы по венгерскому, югославскому, японскому вопросам. Это серьезные документы.

БУЛГАНИН. Рукопись о составе правительства была в тексте доклада т.Маленкова на Верховном Совете. Был написан карандашом весь состав правительства. Я должен сказать, что я этому документу тоже придавал значение в то время. Я просматривал и сравнивал с тем, что было опубликовано, это точно соответствовало тому, что было опубликовано в газетах. Это была подсобная записка.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. Она составлена Маленковым при жизни Сталина?

БУЛГАНИН. Не утверждаю, не знаю.

ШВЕРНИК. Мы проверяли. Петраковский подтвердил, что на 2 этаже на даче, когда еще был жив Сталин, писался этот документ.

БУЛГАНИН. Это точно, да я это подтверждаю. Когда мы находились с т.Хрущевым у т.Сталина, Берия и Маленков сидели и писали.

ШВЕРНИК. Сталин почти кончался, находился в забытьи, а эти двое сидели наверху и составляли документ.

У меня и у наших товарищей складывается такое впечатление, что все же вы неискренне нам говорите относительно всех этих документов, которые к вам попали и которые вы послали Маленкову и не настаивали на том, чтобы он вернул их обратно. Все это составляет секрет не только для нас, не только для членов Президиума ЦК, но и для вас, как вы говорите.

БУЛГАНИН. Я очень сожалею, что у вас создается такое впечатление. Я говорю совершенно искренне то, что было и как это происходило. Никакой задней мысли я в это время не имел, относился к Маленкову так же, как и все другие члены Президиума. Скрывать мне нечего было. Когда все это произошло я сказал т.Хрущеву, вместе с ним мы просматривали все эти документы, на часть из них обратили внимание. Была справка о маршалах. Я звонил Ворошилову, он ко мне заходил, читал эту справку. Я также разговаривал с Жуковым. С какой стати я буду говорить неискренне?

ШВЕРНИК. Записку, которую вы послали в Министерство электростанций Маленкову и просили подписать его, а он оставил все документы у себя?

БУЛГАНИН. Да, оставил. Ничего не ответил. Оставил у себя. Через два с лишним года по-другому на вещи смотришь.

ШВЕРНИК. Маленков сказал, что я оставляю эту записку у себя?

БУЛГАНИН. Да, моему человеку.

ШВЕРНИК. Он оставил, а вы не потребовали, почему он оставил. А что в этой записке было написано.

БУЛГАНИН. В какой?

ШВЕРНИК. Насчет Федосеева, а он не подписал, оставил у себя эту записку и теперь этой записки нигде нет.

КУЗНЕЦОВ. И письма Федосеева.

БУЛГАНИН. Я могу сказать. Я повторяю, что в этой записке Федосеева было сказано. Записка была адресована Сталину с просьбой о том, чтобы его помиловать и поверить, что он честный человек, ни в чем не повинен. Вот, что это была за записка.

КОМАРОВ. После того, как был снят Маленков с поста председателя Совета Министров и послан в Министерство электростанций.

БУЛГАНИН. Ну и что?

КОМАРОВ. Нужно было спросить, он же был вам подчинен, как министр. На пленуме была острая критика, когда снимали Маленкова.

БУЛГАНИН. Этот вопрос на пленуме не обсуждался, он обсуждался на Президиуме. Все критиковали Маленкова, в том числе и я. Это было позже, а история Суханова была в мае 1956 года.

КОМАРОВ. Надо было спросить, был повод спросить Маленкова, где эти документы.

БУЛГАНИН. Конечно.

АЛФЕРОВ. Парфентьев говорил, что была записка у Маленкова - заявление Абакумова в этих же бумагах, о чем он писал Сталину?

БОЙЦОВ. Абакумов обратился с письмом к Сталину?

АЛФЕРОВ. И там как будто упоминался Маленков.

БУЛГАНИН. Нет, я не читал эту записку, я не помню.

ШАТУНОВСКАЯ. Парфентьев информирует так, что это было заявление Абакумова, уже арестованного и содержащегося в особой тюрьме, будто бы Абакумов обратился к Сталину по каким-то вопросам.

БУЛГАНИН. Нет, это была официальная записка, написанная на пишущей машинке.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. Почему же такой документ нужно было посылать Маленкову? Это же был официальный документ.

БУЛГАНИН. Я нашел это в сейфе Суханова.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. Происхождение этого документа неизвестно, в сейфе он не был обнаружен.

ШАТУНОВСКАЯ. Какое содержание?

БУЛГАНИН. То, что заслуживало внимания, я помню, а на этот документ я не обратил внимания потому, что он не представлял какой-либо особой важности, мне кажется.

ШАТУНОВСКАЯ. Николая Александрович, к вам еще такой вопрос. Сталин лично дал поручение вам, Берия и Маленкову поехать в тюрьму?

БУЛГАНИН. Нет.

ШАТУНОВСКАЯ. Как это происходило?

БУЛГАНИН. Мне позвонил по телефону Маленков и сказал, что есть указание Сталина, чтобы я поехал с ними.

ШАТУНОВСКАЯ. Один раз ездили в Лефортовскую тюрьму?

БУЛГАНИН. Да, один раз.

КОМАРОВ. Когда, вечером, или ночью?

БУЛГАНИН. Часов в 7-8 вечера.

ШАТУНОВСКАЯ. И вы вызывали несколько человек?

БУЛГАНИН. Кузнецова, брата Вознесенского, Соловьева.

ШАТУНОВСКАЯ. Еще кого?

БУЛГАНИН. Попкова.

ШАТУНОВСКАЯ. Еще кого?

БУЛГАНИН. Сестру Вознесенского, и все.

ШАТУНОВСКАЯ. Таким образом, 5 человек?

БУЛГАНИН. Кажется, да.

КУЗНЕЦОВ. О всех 5-ти у вас сложилось мнение, что они невинны?

БУЛГАНИН. Безусловно.

ШАТУНОВСКАЯ. Вы об этом сказали Маленкову?

БУЛГАНИН. Нет.

ШАТУНОВСКАЯ. Что они говорили?

БУЛГАНИН. Я сам отлично знал этих людей, знал, как их арестовывали, знал, что предшествовало их аресту. В этом активную роль играли Маленков и Шкирятов. Все это я видел, но что я мог сказать. Я ожидал, что я туда же попаду. У меня у самого было такое состояние, что я мог там же быть. Вы знаете это из материалов, тогда же Маленков и Берия готовили дело против меня, чтобы арестовать меня.

ШВЕРНИК. Я думаю, на этом мы сегодня закончим.